

ТРИ ДРЕВНИХ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХИндоевропейское обозначение вечности
в сванском языке?

В исследованиях последнего десятилетия уже приведено немало новых аргументов, свидетельствующих о древнейшем ареальном взаимодействии индоевропейских и картвельских языков, которое естественно приурочить прежде всего к региону, примыкавшему некогда к юго-западному и южному пределам картвельской языковой области. Если плоды этих контактов не проецируются еще в общекартвельское состояние (как это, напротив, имеет место в отношении некоторых числительных), то их большинство прослеживается главным образом в грузинском и занском ответвлениях картвельских языков, и лишь очень немногие из них зафиксированы только в сванском. В настоящей заметке обращается внимание еще на одно исключительно сванское слово, составляющее параллель к индоевропейскому обозначению вечности (база *aiǵ-).

Соответствующие индоевропейские лексемы, отражающие собой целый комплекс религиозно-мифологических представлений древних носителей индоевропейской речи, уже неоднократно привлекали к себе внимание ряда авторов. Так, к числу продолжений общеиндоевропейского обозначения вечности были отнесены лат. *aevus* и *aevum* (< *ae-u-om*) 'протяжение жизни, вечность', гот. *aiws* 'время, вечность', др.-греч. αἰών 'жизненная сила, протяжение жизни' и αἰέν 'всегда', др.-инд. *āyu-s* 'жизненная сила', авест. *āyū* 'протяжение жизни', алб. *eshë* 'время', тохар. *āyt* 'дух, жизнь', часть из которых содержит исторический суффикс *-wen¹. Вяч. Вс. Иванов предложил дополнить этот ряд хеттским *eja* 'вечнозеленое дерево', символически обозначавшим вечность растительной жизни и тесно связанным с культом умирающего и возрождающегося бога плодородия Телепинуса, миф о котором, как и соответствующий хеттский ритуал, основывался на представлении о вечном возвращении жизни². Семантика соответствующих индоевропейских слов была специально рассмотрена в одной из статей Э. Бенвениста, в которой было показано, что древнейшее значение слов этого корня, связанное с обозначением жизненной силы, лучше всего отражено в др.-инд. *āyu-s* 'жизненная

¹ Ср.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 286; Pokorný I, S. 17—18.

² Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 1. Возможное отражение индоевропейского названия вечности в хеттском языке. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 40—44.

сила' и в гомеровском αἰών 'сила жизни, источник жизненной энергии'³.

При обращении в этой связи к картвельскому материалу бросаются в глаза сванские *iwa* 'вечность' и соотносительное с ним наречие *iwa-s* 'вечно', где элемент *-s* является, по-видимому, адвербиальным словообразовательным аффиксом, производящим в картвельских языках наречия. Обе лексемы, равно как и совокупность производных образований, имеют фактически общесванское распространение. Они нередко встречаются, в частности, в произведениях сванской народной поэзии и в пословицах⁴ (хотя наречие *iwa-s* было засвидетельствовано Н. Я. Марром для нижнесванских диалектов, т. е. для лапхского и лентехского, о его общесванском характере можно было догадаться уже по его же ссылке на употребление слова и в части говоров верхнебалльского диалекта⁵). Производящая база *iwa-* лежит здесь и в основе некоторых других образований: ср. *iwa-ladeγ* 'всегда, всю жизнь', где второй компонент является обозначением дня (ср. также форму дестинативного падежа *iwa-ladγišd* 'навечно, на всю жизнь'), а также *iwāši* 'долголетний (о человеке), давнишний (о вещи)'. Ср. основанную на этой лексеме сванскую формулу *iwas(u) xari!* 'Да живи вечно!', служащую одновременно названием задравной песни.

Фонетическая и семантическая близость сванского слова к соответствующему индоевропейскому в его более позднем значении едва ли вызывает сомнения, что и приводит к мысли о возможности его усвоения из какого-то индоевропейского источника, подобно тому, как это обычно предполагается и для таких сванских сакральных терминов, как *Melia-Telepia*, название языческого обряда, *tab-əl* 'хлеб (жертвенный)', *li-pānd-e* 'жертвовать за упокой' и др. (следует заметить попутно, что изучение широко разветвленной в сванском языке культовой терминологии может составить предмет интереснейшего специального исследования). В пользу этой мысли говорит, по-видимому, несколько необычная фонологическая структура слова, характеризующаяся анлаутным гласным, не служащим суперации консонантного комплекса, как это имеем в лексемах общекартвельского происхождения (ср. сван. *itk* 'зерно', *ipx* 'род папоротника', *icx* 'груша', *isg* 'середина' и др.).

Довольно реальной представляется и экстралингвистическая обусловленность слова в сванском языке пережитками соот-

³ *Venveniste E.* Expression indo-européenne de l'éternité. — BSLP, 1937, t. 38, f. 1, p. 104—112.

⁴ Ср.: *Топуриа В. Т.* (Ред.). Сванская поэзия. I. — Материалы для изучения картвельских языков. II. Тбилиси, 1939, с. 272₅₂, 332₁₄ (на груз. яз.); *Давитиани А. Ш.* Сванские пословицы. Тбилиси, 1973, с. 31, 32, 33, 43 (на груз. яз.).

⁵ *Марр Н.* Извлечение из сванско-русского словаря (*a ~ ə, b ~ f*). — Материалы по яфетическому языкознанию, X. Пг., 1922, с. 7; ср. также: *Дондуа К. Д.* Материалы для сванско-русского словаря. Л., 1951, с. 384 (рукопись).

ветствующего культа, бытовавшего у сванов еще в XIX столетии. Так, в специальной литературе уже давно установлена (доходящая до совпадения целого ряда деталей) связь сванского языческого ритуала *Melia-Telēpia* с древним малоазийским мифом о Телепину⁶. Вполне правдоподобным представляется и предложенное сближение сванского *Telēpia* с именем героя мифа⁷ (в последней связи небезынтересно обратить также внимание на сванское *telēpi* — обозначение конского шавеля, морозоустойчивого растения альпийской зоны Сванетии, легко переносящего зиму под снегом). В изобразительном искусстве картвелов достаточно отчетливо отображен сюжет вечозеленого древа жизни⁸. Понятие жизненной силы получало свое отражение и в словаре картвельских языков: ср., например, мегрел. *čgana* 'жизненная энергия'.

В настоящее время, однако, едва ли приходится рассчитывать на сколько-нибудь однозначный ответ на вопрос о путях проникновения слова в сванский язык. Можно, например, усмотреть его особую близость к иранским продолжениям индоевропейского обозначения вечности. Ср., в частности, осетинскую «частицу» *iw//ew*, сообщающую, по формулировке В. И. Абаева, глаголу значение многократности или обычности действия⁹. Однако существенно отклонившаяся семантика последней, равно как и весь экстралингвистический контекст функционирования слова в сванском вполне допускают и иные решения.

В заключение необходимо упомянуть одно обстоятельство, несколько осложняющее безоговорочное принятие вывода об отражении рассматриваемой лексемой индоевропейского обозначения вечности. Оно заключается в наличии в сванском наряду с наречием *iwa-s* 'вечно, навечно', параллельного *iwajdamas* по существу той же семантики¹⁰, в котором речевое сознание сванов позволяет усматривать отражение имен Евы и Адама христианской традиции. Против такой, по всей вероятности, народноэтимологической трактовки этого наречия можно выдвинуть несколько возражений. Во-первых, в сванском отсутствует подобная модель словообразования наречий от имени собственного. Во-вторых, необычным и для картвельского преломления библейской традиции был бы в этом случае порядок обоих имен. Наконец, при таком составе основы слова было бы трудно объяснить его результирующую семантику (маловероятен и семантический переход: Ева > 'веч-

⁶ Бендукидзе Н. А. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели. — В кн.: Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник, IV. Тбилиси, 1973, с. 95—100.

⁷ Джавахашвили И. А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Введение в историю грузинского народа, т. II. Тбилиси, 1937, с. 250 (на груз. яз.).

⁸ Ср., например: Читая Г. С. Мотив «древа жизни» в лазском орнаменте. — Изв. Ин-та языка и истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, X. Тбилиси, 1944, с. 303—321 (на груз. яз.).

⁹ Абаев И. с. 558.

¹⁰ Марр Н. Я. Указ. соч., с. 7.

ность'). Поэтому, скорее, здесь следует видеть факт позднейшего присоединения имени Адама после того, как первоначальная основа слова была ассоциирована в каких-то контекстах с именем Евы.

К происхождению груз. *boḱver-i* 'львенок'

Как свидетельствует практика картвельской этимологии, рассмотрение генезиса названий экзотических для кавказской фауны животных в картвельских языках приводит обычно к соответствующим иноязычным источникам. Среди таких лексем достаточно упомянуть обозначения слона, льва и верблюда, часть которых, судя по всему, была усвоена еще в древности.

Естественно было бы ожидать, что к этому же кругу лексем принадлежит и грузинское название львенка *boḱver-i* (форма генитива — *boḱvr-is*), засвидетельствованное как в древнелитературных памятниках (ср., например, Судей 14₅; в Библии параллельно встречается и описательное *leḱvi lomisaḱ* 'щенок льва'; только последнее словосочетание употребляется в грузинском тексте «Физиолога»), так и в более поздней средневековой литературе. Согласно Толковому словарю грузинского языка Сулхана Саба Орбелиани, это слово обозначало детеныша льва, барса и им подобных диких животных¹¹ (с интересной семантической аналогией ему сталкиваемся в армянском *koriun* 'детеныш, *par excellence* львенок'). В современном грузинском оно обычно обозначает львенка, изредка — медвежонка. Если не принимать во внимание идентичного мегрел. *boḱver-i* и лазск. (говор сел. Сарпи) *bonḱveri*, несомненно являющихся недавними заимствованиями из грузинского, то это слово занимает в картвельском корнеслове изолированную позицию.

Между тем, в картвелистике предлагалось истолкование рассматриваемой лексики в качестве исконной. По высказанному И. А. Джавахишвили мнению, она принадлежит здесь к целой группе обозначений животных, содержащих в анлауте окаменелый классный префикс, и этимологически может быть связана со сванскими *piḱw* 'кастрированный козел' и *peḱwna* (*päḱwna*, *paḱwna*) 'детеныш дикого животного, щенок собаки'. Автор предполагал историческую членимость слова на *bo-* и *ḱver-*, корневой элемент которого, усматривавшийся им и в некоторых других лексемах, должен был служить в прошлом общим названием детеныша¹².

Адекватность такого истолкования вызывает, на наш взгляд, целый ряд сомнений. Во-первых, тезис о функционировании в протокартвельском состоянии классных экспонентов остается,

¹¹ Орбелиани Сулхан Саба. Сочинения, т. IV₁. Тбилиси, 1965, с. 112 (на груз. яз.).

¹² Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, с. 195—196 (на груз. яз.); ср. Vogt H. La parenté des langues caucasiqnes. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1942, Bd XII, p. 253.

как известно, недоказанным (в этой связи следует подчеркнуть, что вообще в языках эргативного и активного строя именные классификации имеют скрытый характер). Во-вторых, необходимо учитывать экзотичность самой реалии для Грузии, как известно, завозившейся в средневековье из стран Ближнего Востока, где она к тому же составляла более или менее обычное явление лишь до I тыс. до н. э. В-третьих, К. Х. Шмидт указывает на фонетические трудности в сопоставлении грузинского и сванских слов. Так, если даже допустить необычное оглушение начального звонкого в исходной для сванских слов форме вследствие частичной ассимиляции с корневым *k*, то соотношение груз. *a* ~ сван. *o* остается вообще необъяснимым¹³ (тем более трудно было бы объяснить фонетическое и семантическое расхождение рассматриваемого слова и сван. *pikw* 'кастрированный козел'). Заметим, наконец, что картвельская база **kver-*, как выяснилось позднее, имела семантику 'метить (скот)', а не 'детеныш'¹⁴.

В этих условиях более вероятной представляется возможность сближения рассматриваемого слова с реконструируемой И. М. Дьяконовым семитской праформой **bak(w)r* 'первородный сын // детеныш животного', выводимой на основе сравнения аккадского *bukr*, др.-евр. *bākōr*, араб. *bukr-a*, эфиоп. *bak^wər*¹⁵. Не говоря уже о значительно большей близости звуко типа сопоставляемых при этом лексемах, довольно очевидно и их семантическое сходство (особенно, если учесть, что львица обычно воспитывает одного львенка).

Если предполагаемое сопоставление корректно, то грузинская форма поддерживала бы мысль И. М. Дьяконова о том, что в протосемитском имелась серия лабиализованных согласных *g^w*, *k^w*, *q^w*. Закономерно и отражение семитского глухого *k* абруптивом (ср. также груз. *pilo* 'слон' при аккад. *pilu*, *piru*). Необходимо учитывать, однако, что в настоящем случае, как и в отношении других древнесемитских заимствований в картвельских языках, приходится считаться с вероятным хурритско-урартским посредством. Наконец, нельзя не подчеркнуть, что рассмотренная лексема служит еще одним примером некорректности иллюстраций, приводившихся ранее в пользу реконструкции в начале целого ряда картвельских слов классного показателя *b-* (ср. груз. *bariq-i* 'птенец' при глагольной основе **bertiq-* 'колотить, -ся, выколачивать', *bič-i* 'мальчик' при глагольной основе **beč-* 'крошить, -ся', *baγana* 'ребенок'¹⁶ и др.).

¹³ Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, S. 98.

¹⁴ Керкадзе И. К. Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, с. 83 (на груз. яз.).

¹⁵ Diakonoff I. M. Problem of root structure in proto-semitic. — AO, 1968, 38, N 4, p. 464, 468.

¹⁶ Deeters G. Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen? — Corolla Linguistica. Festschrift Ferdinand Sommer. Wiesbaden, 1955, S. 31.

Старое картвельское обозначение канала?

Еще одним свидетельством древних языковых контактов картвелов в закавказском регионе может явиться лексема *tere*, служившая, по-видимому, обозначением канала и зафиксированная в грузинском и мегрельском языках. Грузинское слово, отмеченное для гурийского и аджарского диалектов, обычно трактуется в диалектологических словарях как 'каменное русло источника, приречная низина или нива'¹⁷, а мегрельское — как 'озеро'¹⁸ (общекартвельскую лексему, обозначавшую озеро, отражают иные слова). Оно может быть сопоставлено с др.-егип. *mr* 'канал' и зависимыми от него хетт. *amijar(a)* 'канал', др.-греч. ἀμάρη 'ров, канава, канал'. Идентичный фонетический облик грузинского и мегрельского слов указывает, вероятно, на его проникновение в картвелоязычный ареал в ту эпоху, когда дифференциация грузинских и занских рефлексов праязыковых фонем являлась уже свершившимся фактом. По-видимому, в пользу этого сопоставления говорит и тяготение рассматриваемой лексемы к западу картвельской языковой области. Напротив, встречающееся в литературе сопоставление грузинского и мегрельского слова со сванским *mare*, *märe* 'облако' на правах исконно картвельского достоинства¹⁹ трудно принять, так как оно не выявляет ожидавшегося в этом случае звукосоответствия сванск. *a* ~ занск. *o* (> *u*). Не видно и твердых оснований считать слово занизмом в западно-грузинских диалектах, поскольку оно не только не засвидетельствовано в лазском языке, но пока реально не подтверждено и для мегрельского.

Г. А. Климов

ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАМЕТКЕ «КАРТВЕЛЬСКОЕ *otxo- 'ЧЕТЫРЕ' ~ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ *okto-»

В заметке, помещенной в ежегоднике «Этимология 1975» (М., 1977), по недосмотру автора, оказалось неучтенным сопоставление груз. *otx-i* и лазск. *otxo* 'четыре' с обозначениями восьми в нескольких индоевропейских языках, предложенное Ж. ван Гиннекемом среди целого ряда, как правило, фантастических лексических параллелей, призванных, по его мнению, иллюстрировать факт воздействия «общекавказского» на индоевропейские языки

¹⁷ Ср. Глонти А. А. Словарь грузинских народных говоров, 1. Тбилиси, 1974, с. 357 (на груз. яз.).

¹⁸ Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. Материалы по яфетическому языкознанию, VII. СПб., 1914, с. 279.

¹⁹ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (1 — ž). Указатели. М., 1976, с. 60.